

Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности¹

Анна А. Зализняк, *Институт языкознания РАН (Russian Federation)*
anna.zalizniak@gmail.com

Ирина Микаэлян, *The Pennsylvania State University (USA)*
irina-mikaelian@yandex.ru

Received: August 6, 2014.

Accepted: November 1, 2014.

ABSTRACT

Aspectual correlativity in Russian is understood as a functional relation based on the ability of an imperfective verb to convey the meaning proper to a certain perfective verb. The paper makes two claims regarding the nature of prefixal aspectual pairs. 1) Prefixed perfective verbs form aspectual pairs with simplex imperfective verbs to the extent that they are apt to transfer their meaning to the corresponding simplex imperfective verb. Because different prefixed perfective verbs have this ability to different extents, the category of prefixal aspectual pairs has a scalar organization. The center of this category is formed by different semantic types of atelic verbs (*uvidet' – videt'*, *solgat' – lgat'*, *poblednet' – blednet'*), while telic verbs – that are cognitively salient for aspectual correlativity in Russian – typically form aspectual triplets (*kleit' – skleit' – skleivat'*) and thus are more peripheral. 2) Aspectual triplets are an integral part of the Russian aspectual system; they emerge at the intersection of the relations of aspectual correlation between two verbs of opposite aspects and synonymy between a simplex and a secondary imperfective verbs.

Keywords: Russian language, prefixation, verbal aspect, aspectual correlativity, Maslov criterion, prefixal aspectual pair, aspectual triplet.

Ключевые слова: русский язык, префиксация, глагольный вид, видовая коррелятивность, критерий Маслова, префиксальная видовая пара, видовая тройка.

Настоящая статья представляет собой продолжение диалога с нашими оппонентами – профессором Лорой Яндой и ее группой, которая разрабатывает проблему префиксальных видовых пар в русском языке и с которой на протяжении двух последних лет на страницах журнала «Вопросы языкознания» велась дискуссия (см. Янда 2012, Зализняк, Микаэлян 2012, Кузнецова, Янда 2013; ср. также Зализняк, Микаэлян 2010, Janda et al. 2013). Хотя не все аргументы наших оппонентов представляются нам убедительными, мы хотим показать, что многие видимые разногласия в понимании природы префиксальных видовых пар в русском языке и их места в русской аспектуальной системе могут быть успешно преодолены.

Мы исходим из следующих положений:

1. Русская аспектуальная система устроена как бинарная оппозиция совершенного и несовершенного вида, и ее понимание невозможно без центрального для системы понятия видовой пары.

2. Тождество лексического значения как обязательное условие видовой коррелятивности может быть установлено только на основании тех контекстов, где глагол несов. вида обозначает то же событие, что и тот глагол сов. вида, который он заменяет (критерий Маслова).

3. Аспектуальная корреляция для префиксальных видовых пар, так же, как

¹ Статья написана по материалам доклада на международной конференции Andalusian Symposia on Slavic Studies, 4-6 июня 2014, Гранада.

и для суффиксальных, устанавливается в направлении от совершенного вида к несовершенному. (Так, например, *писать* является имперфективным коррелятом к *написать* потому и только потому, что он может заменять *написать* в контекстах обязательной имперфективации. А это обстоятельство, в свою очередь, обусловлено тем, что глагол *писать* оказывается способен иметь то же лексическое значение, т.е. обозначать то же событие, что *написать*.)

4. Морфологическая имперфективация – основной механизм установления видовой корреляции; ядро русской аспектуальной системы составляют суффиксальные видовые пары.

В отношении глагольной префиксации и ее роли в видообразовании мы выдвигаем следующие тезисы:

1. Русские префиксальные глаголы образуют префиксальную пару в той мере, в какой они способны транслировать свое значение исходному простому имперфективу. Разные префиксальные глаголы обладают этой способностью в разной степени, т.е. эта способность градуальна; категория префиксальных видовых пар тем самым включает ядерную и периферийную зоны.

2. Биимперфективные видовые тройки (ср. *мазать – намазать – намазывать*) являются интегральной частью русской аспектуальной системы, занимая в ней промежуточное положение между «образцовыми» суффиксальными и «образцовыми» префиксальными парами. Существование видовых троек никак не противоречит принципу бинарности видовой корреляции.

Префиксальные видовые пары – одна из наиболее проблемных точек русской аспектологии; именно они создают главную «интригу» русского вида: его промежуточное положение между словоклассифицирующей и словоизменяющей категорией («гибридный» характер этой категории), а также дополнительное измерение в русской аспектуальной системе, создаваемое видовыми тройками. В частности, нет таких двух аспектологических сочинений, где бы совпадал состав множества постулируемых префиксальных видовых пар. Впрочем, аспектологи по большей части остерегаются составлять такие списки, а префиксальные пары обычно извлекают готовыми из словарей; при этом споры сосредотачиваются вокруг отдельных примеров.

Первая попытка составить полный перечень префиксальных видовых пар была предпринята группой исследователей под руководством Лоры Янды: созданная по данным русских словарей база данных «естественных перфективов» Exploring Emptiness (<http://emptyprefixes.uit.no>) – ресурс, без обращения к которому теперь вряд ли может обойтись аспектологическое исследование.

Термин «естественный перфектив» имплицитно отсылает к представлению о видовой паре как о паре глаголов, где глагол несов. вида обозначает некий процесс, а глагол сов. вида – его результат. Такое представление имеет глубокие корни: видовые пары с предельным соотношением, очевидно, являются когнитивно выделенными и служат образцом для построения вида как понятийной категории. Соответственно, возникает представление, что парный глагол сов. вида обозначает «логическое завершение» процесса, обозначенного его имперфективным коррелятом. Причем иллюстрируется это именно префиксальными предельными парами: *строить – построить, писать – написать*.

Однако принцип «логического завершения» неоперационален: его нельзя использовать для установления видовой парности, поскольку в общем случае нельзя ответить на вопрос, что является «логическим завершением» действия, описываемого простым имперфективом. Дело в том, что сам по себе глагол *вязать* или *бить* или *рубить* или *клеить* может обозначать широкий спектр процессов с разными результатами (и тем самым это разные процессы). Тип результата детерминируется как раз приставкой: так, *клеить* можно чтобы *наклеить*, *приклеить* или *склеить*; очевидно, что сам глагол *клеить* во всех трех случаях описывает несколько разные действия (а именно: *наклеивать*, *приклеивать* и *склеивать*). При этом все эти результаты можно назвать, используя термин Лоры Янды, «естественными». Важно при этом, что реально значение простого имперфектива является производным от значения приставочного глагола. Иными словами, логическое отношение строится в обратном направлении: исходным является префиксальный глагол сов. вида, обозначающий определенное событие. В случае предельных глаголов это событие заключается в достижении результата определенного процесса, характер протекания которого детерминирован типом результата. От глагола сов. вида образуется имперфективный коррелят, обозначающий, в том числе, ведущий к этому результату процесс, и здесь имеется две возможности:

- суффиксация: *наклеить* – *наклеивать* (напр. *этикетки на бутылки*)
- депрефиксация [= опущение приставки]: *наклеить* – *клеить* (напр. *этикетки на бутылки*)

Подчеркнем, что глагол *клеить*, в отличие от глагола *наклеивать*, обозначает процесс ‘наклеивания’ лишь в рамках определенной конструкции, которая должна быть эксплицитно представлена в тексте. В рамках этой конструкции он оказывается контекстуальным синонимом к *наклеивать*, и поэтому может оказаться имперфективным коррелятом к *клеить*.

Что касается механизма глагольной префиксации в русском языке, то он включает два аспекта: изменение семантики (спецификация) и изменение вида на совершенный. При этом имеется следующее правило:

Глагол, возникший в русском языке путем префиксации, является глаголом совершенного вида.

Это правило не знает исключений, а видимые исключения лишь безоговорочно его подтверждают: не подходят под действие этого правила глаголы, не образованные в русском языке путем префиксации, а именно:

- глаголы, заимствованные из церковнославянского: *зависеть*, *предстоять*, *надлежать* и т.п. (несов. вида);
- глаголы, заимствованные из западных языков: *регенерировать*, *дезинформировать*, *дисквалифицировать* и т.п. (по большей части двувидовые);
- морфологические кальки: *выглядеть* (с нем. *aussehen*).

Хорошей иллюстрацией действия этого правила является известный пример с двумя омонимами *заходить*: *заходить за дом* (несов.) и *заходить по комнате* (= ‘начать ходить’, сов.). Глагол несов. вида (*заходить за дом*) не образован префиксацией (на

что указывает прежде всего именно его принадлежность к несов. виду): он образован имперфективацией префиксального глагола *зайти*.

Итак, присоединение приставки влечет за собой перфективацию и семантическую модификацию исходного простого имперфектива. Изменение вида на совершенный в результате префиксации – обстоятельство автоматическое и константное. Что же касается меры семантической модификации, то она может быть весьма различной – от создания абсолютно нового значения, связь которого с исходным – это объект отдельного исследования (ср. *забыть*), до чистого значения результативности (ср. *сделать*). Значение чистой результативности возникает там, где результат однозначно предопределен значением исходного глагола несов. вида, а приставка не вносит никакой дополнительной семантической модификации, так что значение перфективности совпадает со значением результативности. В таком случае приставочный глагол сов. вида действительно оказывается «естественным» перфективом, и глагол *сделать* здесь прототипический. В целом, такое семантическое соотношение простого имперфектива и приставочного глагола сов. вида характерно для глаголов, обозначающих создание или уничтожение объекта, ср. *строить – построить* <дом>, *писать – написать* <статью>, *шить – сшить* <платье>, *ломать – сломать* <стул>. Однако достижение результата – это одна из возможных, но не единственная реализация значения перфективности: бывают также пары *думать – подумать*, *хотеться – захотеться* и др., где никакой результативности нет, а видовая коррелятивность имеется, поскольку *думать* может обозначать то же событие, что *подумать*, а *хотеться* – то же событие, что *захотеться*. Очевидно тем самым, что результативное значение нельзя отождествлять с аспектуальным значением перфективности в целом.

Несмотря на то, что перфективация является автоматическим следствием префиксации, факт перфективации сам по себе ничего не говорит о видовой коррелятивности. Особое место префиксальных видовых пар в русской аспектуальной системе определяется тем, что здесь направление реальной морфологической производности и функциональной аспектуальной деривации противоположны, и это обстоятельство является ключевым. С точки зрения аспектуальной системы префиксальный глагол сов. вида первичен – потому что именно он детерминирует лексическое значение (общее для обоих членов пары!), и от него при помощи операции «депрефиксации» образуется (если образуется) имперфективный коррелят. Другими словами, русские префиксальные глаголы сов. вида образуют префиксальную видовую пару ровно *в силу того и в той мере*, в какой они способны *транслировать свое значение* исходному простому имперфективу. При этом разные префиксальные глаголы обладают этой способностью в разной степени, т.е. эта способность *градуальна*.

Обратимся теперь к определению видовой пары. Мы считаем, что функционирование русского вида как грамматической категории основывается на принципе функциональной эквивалентности в контексте обязательной имперфективации. Соответственно, критерий (или тест) Маслова, при всех его недостатках (см. их обсуждение в Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010) – это единственный операциональный способ установить тождество лексического значения двух глаголов противоположного вида.

Согласно существующей формулировке критерия Маслова видовая пара определяется *отношением субституции*, т.е. обязательной замены глагола сов.

вида на некоторый глагол несов. вида в тех контекстах, где сов. вид не может быть употреблен, т.е. в *контекстах обязательной имперфективации* (Зализняк, Шмелев 2001). Таких контекстов по крайней мере два: это повествование в настоящем историческом и описание повторяющейся ситуации (многократность), ср.:

Кошка *поймала* мышь и *съела* ее ⇒
 [и тут] кошка *ловит* мышь и *съедает* ее;
 [каждое утро] кошка *ловит* мышь и *съедает* ее;

В этот момент он *почувствовал* острую боль и *потерял сознание* ⇒
 В этот момент он *чувствует* острую боль и *теряет сознание*;
 В этот момент [человек обычно] *чувствует* острую боль и *теряет сознание*.

Возможность такой замены, и только она, обеспечивает реальное тождество лексического значения, т.е. обозначение глаголом несов. вида того же самого события, которое в прошедшем времени обозначается глаголом сов. вида: в случае предельного глагола – процесс плюс его результат (*кошка ловит мышь и съедает ее*), для других типов ситуаций – другие типы событий: *чувствует, теряет*².

Для суффиксальных пар возможность замены в таких контекстах глагола сов. вида на глагол несов. вида более или менее очевидна, за исключением ряда случаев семантической дивергенции. Эти случаи неоднородны: с одной стороны, существуют немногочисленные суффиксальные пары глаголов, в значительной степени разошедшиеся по значению, типа *заблудиться – заблуджаться, упиться – упиваться, поклониться – поклоняться*; с другой стороны, суффиксальный имперфектив, оставаясь семантически очень близким к глаголу сов. вида, может оказаться неспособным выражать событийное значение (т.е. заменять глагол сов. вида в контекстах Маслова), и тем самым он не является видовым коррелятом этого глагола, ср.: *заняться – заниматься, счесть – считать, умолить – умолять и настоять – настаивать* <на своем>, *отнестись – относиться, предпочесть – предпочитать, презреть – презирать, уважить – уважать* и др.; упомянем также пограничные случаи, когда событийное значение у глагола несов. вида является «вынужденным» или ограниченным определенной конструкцией – как, например, у глагола *соображать*, ср. допустимое: *и тут я соображаю (= сообразил), что надо повернуть ключ в другую сторону*; однако в качестве полноценного имперфективного коррелята глагол *соображать* может выступать только в переносном значении, реализующемся в конструкции *сообразить на троих*, ср. *Они каждый день соображают на троих*.

С потенциальными префиксальными парами дело обстоит существенно сложнее. Для того, чтобы точнее отразить их место в русской аспектуальной системе, мы предлагаем следующую его уточненную формулировку:

²Напомним, что речь идет о «замене» только в контексте обязательной имперфективации – т.е. там, где по правилам русской грамматики сов. вид употреблен быть не может; в контекстах видовой конкуренции, где может быть употреблен как сов., так и несов. вид, всегда имеется то или иное семантическое различие (ср.: *Кто открыл/открывал окно? Я точно помню, что заперла/запирала дверь* и т.п.), и такие контексты критерием видовой парности (= тождества лексического значения) служить не могут.

В видовую корреляцию с данным глаголом сов. вида вступает тот глагол несов. вида, который *может его заменить* в контексте обязательной имперфективации.

Эта формулировка несет в себе идею градуальности: возможность глагола несов. вида заменять тот или иной глагол сов. вида может быть полная и ограниченная³. Иными словами, глаголы несов. вида выстраиваются в некую шкалу, которая устроена следующим образом: имеется дискретный отрицательный полюс «данный глагол несов. вида не может заменить глагол сов. вида ни при каких условиях»: например, глаголы *знать, любить, лежать* или *искать* ни в коем случае не могут служить заменой ни для какого глагола сов. вида – в том числе, для глаголов *узнать, полюбить, лечь* или *найти* (пара *искать – найти* часто ошибочно приводится в качестве примера видовой пары в учебных грамматиках). С противоположной стороны имеется менее четкий положительный полюс, где расположено подавляющее большинство вторичных приставочных имперфективов, образующих суффиксальные пары, а также простые глаголы несов. вида, входящие в «образцовые» префиксальные пары (*делать, строить*), и к которому примыкают, постепенно удаляясь, случаи *в разной степени ограниченной* возможности замены. Так, глагол *кричать* в большей степени может заменять глаголы *крикнуть* и *закричать*, чем глагол *прокричать*; и еще в меньшей степени глагол *целовать* подходит как замена для *перецеловать* <всех девушек> (пример из Перцов 2001: 127). К этой же промежуточной зоне относятся упомянутые выше глаголы *предпочитать, настаивать, соображать* и т.п., имеющие ограниченную возможность выражать событийное, т.е. равное глаголу сов. вида, значение. Признание принципиально градуального характера результата теста Маслова может служить ответом на критику некоторых из его недостатков, отмечавшихся в литературе (см. в частности Перцов 2001: 124-128).

Обратимся теперь к так называемой проблеме «чистовидовых» или «семантически пустых» приставок, неизбежно возникающей при обсуждении статуса префиксальных видовых пар. Механизм возникновения таких приставок – это так называемый эффект Вея-Схоневельда: если значение приставки дублирует уже имеющуюся в глаголе сему, то присоединение данной приставки не меняет значения глагола, и из двух вышеупомянутых следствий префиксации имеет место лишь одно – перфективация. В книге Janda et al. 2013: 9 эффект взаимодействия «чистовидовой» приставки с семантикой простого имперфектива описан с помощью цветовой метафоры: если представить, что основа простого имперфектива голубого цвета и к ней добавляется приставка тоже голубого цвета, то происходит «эффект наложения», и приставка сливается с основой – и тем самым как бы исчезает. (Здесь лишь следует уточнить, что глагольная основа, конечно же, не голубого цвета, она только включает в себя голубой фрагмент; но приставка на этом фоне так или иначе «исчезает».) Но это и означает, что в данном случае она является «семантически пустой». Тем самым, спор о том, являются ли приставки в глаголах сов. вида, входящих в префиксальные пары, «пустыми» или же имеется эффект наложения семантики приставки на семантику простого имперфектива – это спор о словах, а не о сути явления, т.е. гипотеза

³ Одновременно, предложенная нами формулировка отражает тот факт, что одному глаголу сов. вида может соответствовать более чем один глагол несов. вида; см. об этом ниже.

«семантической пустоты» приставки (*emptiness hypothesis*) и гипотеза «наложения» значений (*overlap hypothesis*)⁴ – это одна и та же гипотеза. И, что не менее существенно, из «семантической пустоты» приставки в парном глаголе сов. вида никак не следует, что ее выбор является произвольным.

Здесь, однако, необходимо иметь в виду следующее важное обстоятельство. Эффект Вея-Схоневельда – это объяснительная гипотеза, работающая лишь в направлении анализа, но не синтеза. Выбор приставки безусловно определенным образом коррелирует с семантикой исходного глагола – однако все же не до такой степени, чтобы его можно было однозначно предсказать. Идея семантического дублирования, в целом верная, все же никак не может служить критерием видовой коррелятивности. Так, например, глагол *ссориться* предполагает некое движение в разные стороны, однако он является полноценным видовым коррелятом к *поссориться*, а не к *рассориться*; глагол *пухнуть* выражает идею распространения в разные стороны – ту же, что и приставка *раз-*, однако *пухнуть* не является коррелятом к глаголу *распухнуть* (имеющему суффиксальный коррелят *распухать*), поскольку у глагола *пухнуть* нет событийного значения, ср. невозможность замены глагола *распухнуть* на *пухнуть* в следующем контексте:

Маша упала, ударилась коленом, и оно *распухло*.
Маша падает, ударяется коленом, и оно **пухнет/распухает*.

Итак, если мы признаем существование префиксальных видовых пар, т.е. пар глаголов, различающихся формально только префиксом, а содержательно – только видом, из этого следует, что приставка не вносит никакого дополнительного значения, кроме значения сов. вида. Тем самым вопрос лишь в том, возможна ли такая ситуация, т.е. существуют ли собственно видовые префиксальные пары.

В грамматической традиции по этому вопросу существует два мнения:

1. Собственно видовыми могут быть только суффиксальные пары, а префиксальные пары являются редким исключением (такой точки зрения придерживается, в частности, А.В. Исаченко).

2. Префиксальные пары существуют, и образуются они при помощи приставки-перфективатора, выступающей в функции «телисизатора» (Плунгян 2011: 401): *писать* – *написать*, *варить* <мясо> – *сварить*. В том случае, если приставка, помимо функции перфективации, вносит некий дополнительный компонент (*проварить*), образуется «новый глагол» сов. вида, от него суффиксально образуется вторичный имперфектив, т.е. возникает суффиксальная видовая пара: *проварить* – *проваривать*.

При этом, поскольку способа установить, вносит ли приставка некий дополнительный смысловой компонент, не существует, традиционно используется простой формальный критерий: если от префиксального глагола образуется вторичный имперфектив, то это другой глагол, а если не образуется – это префиксальный перфективный коррелят к исходному простому имперфективу:

⁴Термины, используемые в Janda et al. 2013: 1-17.

<i>варить</i>	<i>сварить</i>	–
–	<i>отварить</i>	<i>отваривать</i>
–	<i>проварить</i>	<i>проваривать</i>
–	<i>переварить</i>	<i>переваривать</i>

Однако, как уже давно установлено, реальное устройство русского языка иное. А именно, префиксальные глаголы сов. вида не делятся четко на два класса: входящие в суффиксальные и входящие в префиксальные видовые пары; реально здесь имеется обширная промежуточная зона, когда у одного и того же префиксального глагола сов. вида имеются обе возможности (таким образом появляются видовые тройки):

<i>варить</i>	<i>сварить</i>	(<i>сваривать</i>)
(<i>варить</i>)	<i>отварить</i>	<i>отваривать</i>
–	<i>проварить</i>	<i>проваривать</i>
–	<i>переварить</i>	<i>переваривать</i>

Решение проблемы, как нам представляется, состоит в признании градуального характера этого фрагмента аспектуальной системы.

Таким образом:

Русский префиксальный глагол сов. вида входит в префиксальную видовую пару в силу того и в той мере, в какой он способен транслировать свое значение исходному простому имперфективу.

Или наоборот:

Простой имперфектив входит в префиксальную видовую пару в силу того, и в той мере, в какой он может брать на себя значение префиксального глагола сов. вида.

Соответственно, чем меньше семантический вклад приставки, тем безболезненней значение приставочного глагола может передаваться простым имперфективом. И наоборот, чем он больше, тем «труднее» оказывается простому имперфективу передать значение приставочного. Однако следует иметь в виду, что мера семантического вклада приставки реально может быть обнаружена лишь на основании возможности замены в контексте Маслова или взаимозамены простого и вторичного имперфектива. Например, может ли глагол *жарить* <мясо> передать значение *зажарить*? Т.е. можно ли сказать *жарит* в значении *зажаривает*?

К празднику *зажарили* барана. – Каждый год к празднику *жарят* барана.

– видимо, да. А значение *поджарить* (т.е. *жарить* вместо *поджаривать*)? – Скорее тоже да, хотя и с меньшей уверенностью: приставка *под-* вносит значение ‘снизу’, которое в глаголе *жарить* является фоновым и может актуализироваться лишь в специальных контекстах. А *обжарить*? – уже, видимо, нет. Ср:

Сначала *обжарила* курицу, а потом поставила ее тушиться на маленьком огне. –

Сначала [?] жарит курицу, а потом ставит ее тушиться на маленьком огне.

Здесь уже не просто остается невыраженной часть значения, а искажается смысл - в результате чего получается абсурд. Курицу либо жарят, либо тушат; соответственно, одну и ту же курицу можно только сначала *обжарить*, а потом потушить – как сказано в исходном предложении.

Разные приставки обладают различным семантическим потенциалом. Особое положение занимает приставка *по-*, которая является существенно более частотной (см., в частности, Janda et al. 2013) и в целом наиболее десемантизированной; она и в наибольшей степени сопротивляется вторичной имперфективации. Так, глагол *красить* имеет префиксальные дериваты *покрасить*, *накрасить*, *выкрасить*. Но вторичные имперфективы имеются только у двух последних: *накрашивать* и *выкрашивать*. При этом первичный имперфектив *красить* может с определенными оговорками заменять глаголы *накрасить* и *выкрасить* в контекстах Маслова.

Итак, наиболее адекватной моделью обсуждаемого фрагмента русской аспектуальной системы нам представляется следующая.

1. Доминирующим механизмом порождения видовой пары в русском языке является суффиксальная имперфективация.

2. Результатом префиксации всегда является новый глагол, который является глаголом сов. вида, но никаких импликаций относительно его видовой парности с исходным простым имперфективом нет.

3. Для установления видовой коррелятивности префиксального глагола сов. вида необходимо применить тест Маслова – в предложенной нами уточненной формулировке, позволяющей отразить градуальный характер категории видовой коррелятивности в русском языке.

4. Если исходный простой имперфектив удовлетворяет критерию Маслова, то он входит в префиксальную видовую пару. Префиксальные видовые пары могут быть «образцовыми» или «периферийными» в зависимости от того, насколько легко и автоматически проходит замена глагола сов. вида на бесприставочный глагол несов. вида.

С точки зрения аспектуальной системы русского языка идеальными префиксальными парами являются такие, где у простого имперфектива:

(а) имеется только один префиксальный дериват, с которым этот глагол находится в отношении субституции (т.е. выполняется тест Маслова);

(б) данный префиксальный дериват сов. вида не образует вторичного имперфектива.

При этом как раз для глаголов, которые являются для данной категории прототипическими, или когнитивно выделенными, а именно, для предельных глаголов, оба требования (а) и (б) системно нарушаются: а именно, простой имперфектив может оказаться в отношении субституции с более, чем одним глаголом сов. вида, и при этом парный глагол сов. вида может иметь вторичный имперфектив – входя, таким образом, в видовую тройку, ср. выше о глаголе *красить* и его префиксальных дериватах. Упомянем в этой связи глагол *грузить*, который много обсуждался в литературе. Он входит в префиксальную пару с глаголом *погрузить*, но достаточно свободно может брать на себя также значение префиксальных глаголов *нагрузить* и *загрузить*, имеющих свои

стандартные суффиксальные корреляты (соответственно, *нагружать*, *загружать*). Однако и глагол *погрузить* (в обсуждаемом значении) образует суффиксальный имперфектив *погружать*, ср.: *погружают вещи в оборудованный для перевозки грузов транспорт и перевозят их на склад*.

Наиболее трудновыполнимо именно требование отсутствия вторичного имперфектива. Так, даже для «образцовых» предельных пар это условие может нарушаться: такие глаголы как *разбуживать*, *написывать*, *сделывать*, *постраивать* хоть и редко, но встречаются в речи (ср., в частности, Зализняк, Микаэлян 2010, Горбова 2014). С другой стороны, как уже отмечалось, выбор между простым и вторичным имперфективом в качестве видового коррелята в русском языке – обстоятельство крайне прихотливое, и граница может проходить между разными формами и конструкциями одной глагольной лексемы. Если для *сварить* <картошку> имперфективом будет только *варить*, то уже для *свариться* коррелятами могут выступать как простой имперфектив *вариться*, так и суффиксальный имперфектив *свариваться*: *картошка варится/сваривается за полчаса*; ср. следующий пример (выявляющий также аналогичную суффиксальную пару *испечься* – *испекаться*, при наличии префиксальной пары *испечь* – *печь*):

Гранит дна и стен излучал жар, словно исполинская печка; яйца, положенные на дно, *сваривались* в несколько минут всмятку, картофель и хлеб *испекались* в полчаса. [В. А. Обручев. Тепловая шахта (1920)]

Ср. также (пример из Зализняк, Шмелев 2004):

И тут их *разделила* толпа. – И тут их *разделяет* /*делит толпа.
Братья *разделили* наследство и разъехались. – Братья *делят* /*разделяют наследство и разъезжаются.

Итак, категория префиксальных видовых пар имеет отчетливо радиальную структуру. В ядерной зоне находится незначительное количество «образцовых» предельных пар, а также большой массив видовых пар с иным семантическим соотношением: перфектные (*почувствовать* – *чувствовать*, *увидеть* – *видеть*, *обрадоваться* – *радоваться* и т.п.), градуальные (*постареть* – *стареть*, *похудеть* – *худеть* и т.п.), семиотические (*сострить* – *острить*, *скривить лицо* – *кривить лицо*, *состроить рожу* – *строить рожу*, *сдержат слово* – *держат слово*), тривиальные (*забеременеть* – *беременеть*)⁵. В периферийной зоне находятся пары, не удовлетворяющие одному из двух или сразу обоим указанным выше условиям. Подавляющее большинство здесь составляют предельные пары, входящие в видовые тройки: обратим внимание на то, что видовые тройки возникают в первую очередь на основе именно предельных пар⁶. Приведем для сравнения две близкие по смыслу пары глаголов: *стареть* – *постареть* и *стариться* – *состариться*. Первая из них, градуальная (*постареть* = ‘стать более старым’) является образцовой префиксальной видовой парой, а вторая, предельная (*состариться* = ‘достичь старости’) входит в

⁵ О типах семантических соотношений в видовых парах см. Зализняк, Шмелев (2000: 56 - 61).

⁶ Аналогичное соображение было высказано в докладе Е.В. Горбовой на конференции Andalusian Symposia on Slavic Studies, 4-6 июня 2014, Гранада.

тройку (ср. вторичный имперфектив *состариваться*), т.е. относится к периферийной зоне. Другой аналогичный пример: *лысеть* – *полысеть* (образцовая префиксальная видовая пара с градуальным соотношением: *полысеть* = ‘лишиться части волос’) и *лысеть* – *облысеть* (периферийная префиксальная пара с предельным соотношением, ср. *облысевать*). Обратим внимание на тот факт, что в списке из 66 образцовых префиксальных видовых пар с разными приставками, приведенном в Зализняк (Шмелев 2000: 82-83), лишь 14 однозначно предельных.

Относительно видовых троек надо сказать следующее. Как уже говорилось выше, в отличие от префиксальной перфективации, которая в общем случае не порождает видового коррелята, суффиксальная имперфективация в русском языке – это универсальный механизм, порождающий именно видовой коррелят и тем самым формирующий аспектуальную систему. Он действует по отношению к любому глаголу сов. вида, независимо от того, образует ли он видовую пару с некоторым простым имперфективом⁷.

В русском языке имеется два механизма возникновения видовых троек:

1) «системно-морфологический»: от глагола сов. вида, входящего в префиксальную пару с простым имперфективом, образуется «избыточный» вторичный имперфектив; например, от глагола *нарисовать*, имеющего стандартный коррелят *рисовать*, образуется вторичный имперфектив *нарисовывать*;

2) «функционально-семантический»: к суффиксальной видовой паре «пристраивается» простой имперфектив, который оказывается способным обозначать то же событие, что и данный префиксальный глагол сов. вида; например *писать* «пристраивается» к паре *записать* – *записывать* <исполнение музыкального произведения на пленку>.

Как уже было упомянуто, простой имперфектив обладает широким неспецифицированным значением. Вычленение из этого континуума специфицированных значений происходит, в том числе, путем депрефиксации, т.е. за счет того, что простой имперфектив выражает то же значение, что вторичный, но при этом обходится без приставки, т.е. без формального средства, указывающего на характер спецификации значения мотивирующего глагола, ср. *наклеивать/клеить* <этикетки на бутылки>, *записывать/писать* <музыку на пленку/на цифру>, *скачивать/качать* <фильм из Интернета>. Такая квазисинонимия простого и вторичного имперфектива возникает прежде всего в процессном значении, когда достижение результата находится вне фокуса внимания говорящего, ср.: *Почему я качаю фильмы с программой торрент, а он мне скачивает все фильмы без звука? что делать?*

Однако довольно часто простой имперфектив приобретает способность выражать событийное значение, равное значению глагола сов. вида в контекстах Маслова, и тогда возникает биимперфективная видовая тройка: (*клеить*) – *наклеить* – *наклеивать*, (*писать*) – *записать* – *записывать*; (*качать*) – *скачать* – *скачивать*; ср.: *Для себя, недавно завел такое правило, сначала качаю фильм и смотрю, а потом читаю комменты.*

⁷ См. об этом Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2010, Зализняк, Микаэлян 2010. Ср. также: «В системе русского видообразования, по нашему мнению, феномен видовых троек не аномалия, их существование обусловлено грамматикализацией имперфективации» (Петрухина 2000: 98-99).

При такой «подмене» вторичного имперфектива простым может возникать дополнительный экспрессивный эффект, в особенности когда речь идет о каком-то профессиональном или известном ограниченному кругу лиц действии (см. об этом подробнее Зализняк, Микаэлян 2011).

Ответ на вопрос, почему существование биимперфективных видовых троек не противоречит существованию видовых пар, состоит в том, что это явления разного уровня: видовая пара – это отношение субституции, принципиальным образом бинарное, поскольку в русском языке всего два вида. Тройка возникает в результате наложения аспектуального отношения видовой коррелятивности между глаголами противоположного вида и отношения (квази)синонимии между двумя глаголами несов. вида; соответственно выбор между простым и вторичным имперфективом регулируется правилами выбора между синонимами.

Биимперфективные тройки являются интегральной частью русской аспектуальной системы, занимая в системе промежуточное положение между образцовыми суффиксальными и образцовыми префиксальными парами. Их соотношение можно проиллюстрировать следующей таблицей, которую мы воспроизводим с некоторыми изменениями из нашей статьи (Зализняк, Микаэлян 2012)⁸.

	НСВ1	СВ	НСВ2
образцовые суффиксальные пары	— — — [[писать]]	<i>исключить</i> <i>открыть</i> <i>переписать</i> <i>записать</i> <на пленку>	<i>исключать</i> <i>открывать</i> <i>переписывать</i> <i>записывать</i>
суффиксальные пары с потенц. НСВ1	[лезть] [рвать]	<i>залезть</i> <на дерево> <i>вырвать</i> <зуб>	<i>залезать</i> <i>вырывать</i>
образцовые тройки	<i>капать</i> <i>есть</i> <i>мазать</i> <i>читать</i> <i>гибнуть</i> <i>делить</i> <i>хватать</i> <i>комкать</i>	<i>закапать</i> <в нос> <i>съесть</i> <i>намазать</i> <i>прочитать</i> <i>погибнуть</i> <i>разделить</i> <i>схватить</i> <i>скомкать</i>	<i>закапывать</i> <i>съедать</i> <i>намазывать</i> <i>прочитывать</i> <i>погибать</i> <i>разделять</i> <i>схватывать</i> <i>скомкивать</i>
префиксальные пары с потенц. НСВ2	<i>ломать</i> <i>рисовать</i>	<i>слопать</i> <ветку> <i>нарисовать</i>	[<i>сламывать</i>] [? <i>нарисовывать</i>]
образцовые префикс. пары	<i>строить</i> <i>делать</i> <i>видеть</i> <i>бледнеть</i> <i>острить</i>	<i>построить</i> <i>сделать</i> <i>увидеть</i> <i>побледнеть</i> <i>состричь</i>	[<i>???постраивать</i>] [<i>???сделывать</i>] — — —

Итак, мы попытались показать, что видовая коррелятивность в русском языке – явление принципиальным образом градуальное, основанное на способности (большей или меньшей) глагола несов. вида выражать значение, присущее некоторому глаголу

⁸ Используются обозначения: НСВ1 – простой имперфектив, СВ – префиксальный глагол сов. вида, НСВ2 – вторичный имперфектив.

сов. вида. В случае префиксальных видовых пар речь идет о способности простого имперфектива «брать на себя» значение префиксального глагола сов. вида – компенсируя за счет конструкции или выражая имплицитно смысловой компонент, привносимый приставкой в значение префиксального глагола сов. вида. Категория префиксальных видовых пар, тем самым, имеет радиальную структуру: в ее центральной зоне находятся перфектные, градуальные, семиотические и некоторые другие типы видовых пар; что касается предельных пар, то они находятся на периферии этой категории, так как по большей части входят в видовые тройки.

Несмотря на то, что префиксальные видовые пары, безусловно, существуют, префиксация как таковая не является грамматическим механизмом образования видовых коррелятов сов. вида к бесприставочному глаголу несов. вида: даже в случае, если приставка не вносит никакого другого значения, кроме результативности, она остается словообразовательным средством.

REFERENCES

- Зализняк, Анна А., & Микаэлян, И. Л. (2010). О месте видовых троек в русской аспектуальной системе. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог '2010*, 130-135. Москва.
- Зализняк, Анна А., & Микаэлян, И. Л. (2011). *Рвать зубы и мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог '2011*, 725-736. Москва.
- Зализняк, Анна А., & Микаэлян, И. Л. (2012). О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды. *Вопросы языкознания*, 2012, 6, 48-65.
- Зализняк, Анна А., Микаэлян, И. Л. & Шмелев, А.Д. (2010). Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары. *Вопросы языкознания*, 1, 3–23.
- Зализняк, Анна А., & Шмелев, А. Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры.
- Зализняк, Анна А., & Шмелев, А. Д. (2001). Типы видовой связи. *Труды международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. Т. 1, 91-97.
- Зализняк, Анна А., & Шмелев, А.Д. (2004). О месте видовой пары в аспектуальной системе русского языка. *Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. Germano-savische Beiträge. B.21.*, München: Otto Sagner Verlag, 311-324.
- Горбова, Е.В. (2014). Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида. *Russian Linguistics*, 38, 1-21.
- Кузнецова, Ю.Л., & Янда, Л.А. (2013). Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А. А. Зализняк и И.Л. Микаэлян). *Вопросы языкознания*, 4, 87-96.
- Перцов, Н.В. (2001). *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры.
- Петрухина, Е.В. (2000). *Аспектуальные категории глагола в русском языке в*

сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. Москва: Изд-во МГУ.

- Плунгян, В.А. (2011). *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира.* Москва.
- Янда, Л.А. (2012). Русские приставки как система глагольных классификаторов. *Вопросы языкознания*, 6, 3-47.
- Janda, L. Endresen, A., Kuznetsova, J., Lyashevskaya, O., Makarova, A., Nessel, T., & Sokolova, S. (2013). *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes ad verb classifiers.* Bloomington: Slavica Publishers.

REFERENCES IN ROMAN SCRIPT (ISO 9)

- Zaliznjak, Anna A., & Mikajeljan, I. L. (2010). O meste vidovyh troek v russkoj aspektual'noj sisteme. *Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy Mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2010*, 130-135. Moskva.
- Zaliznjak, Anna A., & Mikajeljan, I. L. (2011). *Rvat' zuby i myt' den'gi: ob odnom tipe upotreblenija bespristavochnyh imperfektivov v russkom jazyke. Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Trudy Mezhdunarodnoj konferencii Dialog'2011*, 725-736. Moskva.
- Zaliznjak, Anna A., & Mikajeljan, I. L. (2012). O nekotoryh diskussionnyh momentah aspektologicheskoj koncepcii Lory Jandy. *Voprosy jazykoznanija*, 2012, 6, 48-65.
- Zaliznjak, Anna A., Mikajeljan, I. L. & Shmelev, A.D. (2010). Vidovaja korreljativnost' v russkom jazyke: v zashhitu vidovoj pary. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 3-23.
- Zaliznjak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2000). *Vvedenie v russkiju aspektologiju.* Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Zaliznjak, Anna A., & Shmelev, A. D. (2001). Tipy vidovoj svjazi. *Trudy mezhdunarodnogo seminara Dialog-2001 po komp'juternoj lingvistike i ee prilozhenijam.* T. 1, 91-97.
- Zaliznjak, Anna A., & Shmelev, A.D. (2004). O meste vidovoj pary v aspektual'noj sisteme russkogo jazyka. *Festschrift für Peter Rehder zum 65. Geburtstag. Germano-savische Beiträge. B.21.*, München: Otto Sagner Verlag, 311-324.
- Gorbova, E.V. (2014). Eshhe raz o vidoobrazovanii russkogo glagola: k slovoizmenitel'noj traktovke vida. *Russian Linguistics*, 2014, 38, 1-21.
- Kuznecova, Ju.L., & Janda, L.A. (2013). Pristavki v svete kognitivnoj lingvistiki i tipologii (otklik na stat'ju A. A. Zaliznjak i I.L. Mikajeljan). *Voprosy jazykoznanija*, 4, 87-96.
- Percov, N.V. (2001). *Invarianty v russkom slovoizmenenii.* Moskva: Jazyki russkoj kul'tury.
- Petruhina, E.V. (2000). *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom jazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovackim, pol'skim i bolgarskim jazykami.* Moskva: Izd-vo MGU.
- Plungjan, V.A. (2011). *Vvedenie v grammaticheskiju semantiku: grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira.* Moskva.
- Janda, L.A. (2012). Russkie pristavki kak sistema glagol'nyh klassifikatorov. *Voprosy jazykoznanija*, 6, 3-47.
- Janda, L. Endresen, A., Kuznetsova, J., Lyashevskaya, O., Makarova, A., Nessel, T., & Sokolova, S. (2013). *Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Prefixes as verb*

classifiers. Bloomington: Slavica Publishers.